

Учково́дство для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1890 года, Января 21-го.

Содержаніе: На что должно быть обращено вниманіе при борьбѣ со штундой?—Штундизмъ и XVI—XVII в.в. въ исторіи Юго-Западной Руси.—Изъ наблюденій сельскаго священника надъ своими прихожанами.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.—Извѣстія и замѣтки.

**На что должно ^{быть} обращено вниманіе при
борьбѣ со штундой?**

Въ видахъ вразумленія штундистовъ обыкновенно совѣ-
туютъ не вдаваться—не входить въ полемику съ ними по
частнымъ предметамъ вѣроученія, а вести бесѣды съ ними
объ общихъ предметахъ вѣроученія, каковы, напр., о Церкви,
о Преданіи, о внѣшнемъ богопочтеніи и т. п. Но можно ли
ожидать успѣха отъ такого рода бесѣдъ съ штундистами?
Едва ли. Бесѣдуя исключительно о Церкви, о Свящ. Пре-
даніи, о внѣшнемъ богопочтеніи, нельзя рассчитывать на успѣхъ.
Церкви и авторитета ея штундисты положительно не при-
знаютъ; Свящ. Преданіе, по ихъ убѣжденію, „находится въ

плѣну у діавола“; внѣшнее же богопочтеніе, по ихъ убѣжденію, совершенно лишнее, такъ какъ „Богъ, говорятъ они, не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ“. Есть другіе предметы, на которые, по нашему мнѣнію, было бы болѣе цѣлесообразно обращать вниманіе штундистовъ при собесѣдованіяхъ и вообще при борьбѣ съ ними. Вотъ эти предметы:

I. Штундисты, какъ извѣстно, приписываютъ только себѣ монополію истиннаго и правильнаго пониманія Свящ. Писанія, на всѣхъ же остальныхъ смотрятъ недовѣрчиво и презрительно, а о пастыряхъ и миссіонерахъ говорятъ, что они „всю жизнь учатся и николиже въ разумъ истины могутъ прійти“ (2 Тим. 3, 7), и вслѣдствіе этого себя только и называютъ истинными посланниками и проповѣдниками и правильными истолкователями слова Божія. Причину такого своего самомнѣнія штундисты основываютъ на слѣдующемъ. Въ одной штундистской брошюрѣ „Руководство простымъ людямъ къ чтенію Новаго Завѣта“, говорится: „слово Божіе читай съ благоговѣніемъ и молитвою и читаемое примѣняй къ себѣ; читай не торопясь, стараясь понять каждое слово. Если какого слова не поймешь, подумай, что бы оно значило и „внутренне“ помолись, чтобы Господь ^{вѣ}умилъ тебя; если все-таки не поймешь,—оставь и читай далѣе; значить, не пришло еще время понять это слово,—послѣ поймешь, когда Духъ Святой вразумитъ тебя“. Въ силу такого-то отношенія къ слову Божію и пониманія его штундисты и присвоиваютъ себѣ монополію пониманія и толкованія Свящ. Писанія и не внимаютъ никакимъ внушеніямъ и убѣжденіямъ. Поэтому первая публичная бесѣда съ штундистами должна быть о правѣ учительства въ Церкви Христовой примѣрно въ слѣдующихъ словахъ: Право учительства дано Христомъ Спасителемъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ—ихъ преемникамъ пастырямъ и учителямъ Церкви. Имъ Христосъ заповѣдалъ учить народъ, только имъ Онъ сказалъ: „идите, научите всѣ на-

роды“ (Матѣ. 28, 19), „идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Марк. 16, 15), имъ только Онъ сказалъ: „слушающій васъ, Меня слушаетъ, отвергающійся васъ, Меня отвергается, а отвергающійся Меня, отвергается пославшаго Меня“ (Лук. 10, 16). Васъ же кто послалъ? Св. ап. Павелъ говоритъ: „какъ будутъ проповѣдывать, если не посланы будутъ“ (Римл. 10, 15)? Гдѣ ваше полномочіе? Зачѣмъ вы, вопреки заповѣди Апостольской, „не многіе дѣлайтесь учителями“ (Іак. 3, 1), святотатственно присвоиваете себѣ право учить другихъ? „Развѣ всѣ апостолы? Развѣ всѣ пророки? Развѣ всѣ учителя? Развѣ всѣ истолкователи“ (1 Кор. 12, 29—30)? Нѣтъ! Однимъ только пастырямъ Церкви предоставленно право учить; „они должны учить народъ Мой, сказалъ Господь, отличать священное отъ неосвященнаго и объявлять людямъ Моимъ, что нечисто и что чисто“ (Іезек. 44, 23). А вамъ кто далъ право?—Бываютъ случаи, что штундисты молча выслушиваютъ такую рѣчь, а бываютъ, что и отвѣчаютъ на нее такъ: „мы проповѣдуемъ по внушенію и повелѣнію Святаго Духа“. Въ первомъ случаѣ, не лишне замѣтить штундистамъ, что они поступаютъ самовольно, вопреки заповѣди Христа Спасителя и Его апостоловъ и не могутъ дать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Посему не похвалы, а осужденія достойны вы. Во второмъ же случаѣ необходимо предложить штундистамъ, чтобы они на дѣлѣ показали свое полномочіе, сказавъ имъ такъ: „Апостолы и всѣ святые, проповѣдывавшіе по внушенію и повелѣнію Святаго Духа, проповѣдь свою сопровождали чудесами. Гдѣ они у васъ? Свящ. Писаніе и писаніе св. отцевъ полны такихъ чудесъ, а гдѣ они у васъ? Ихъ, правда, нѣтъ? Значитъ, вы не истинные проповѣдники слова Божія, а самовольные, никѣмъ не уполномоченные и не посланные“. Этими и имъ подобными доводами нужно всегда стараться довести штундистовъ до признанія неправильности и незаконности ихъ дѣйствій въ дѣлѣ пропаганды

штунды. А доведя ихъ до этого, легко уже разубѣждать ихъ, такъ какъ у нихъ уже подорвано будетъ довѣріе къ ихъ вожакамъ.

II. Говоря о нравѣ учительства въ Церкви Христовой, миссіонеръ и вообще пастырь Церкви долженъ обратить вниманіе и на нравственныя качества и даже на національность проповѣдниковъ штунды, такъ какъ проповѣдниками штунды бываютъ поляки и нѣмцы, напр., въ мѣстности, въ которой находится мой приходъ, главными пропагандистами штундизма состоятъ полякъ Ф. М—чъ и нѣмецъ К. Д—ръ. О вожакахъ штунды изъ крестьянъ также нужно имѣть свѣдѣнія, каковы они были до поступленія въ штунду. Слово Божіе еретиковъ и отступниковъ такъ опредѣляетъ: „въ послѣдніе дни явятся ругатели, по своимъ собственнымъ похотямъ поступающіе“ (2 Петр. 3, 3); они „будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, злорѣчивы, хульники, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, невоздержны, непримирительны, клеветники, не любящіе добра, предатели“ и проч. (2 Тим. 3, 2—4). Не таковы ли въ большинствѣ и вожаки штунды? Поэтому необходимо миссіонеру и вообще пастырю, имѣющему дѣло съ штундистами, обращать преимущественно вниманіе и православныхъ и штундистовъ на качества вожаковъ штунды. Этимъ можно гарантировать успѣхъ обращенія штундистовъ въ православіе и подорвать всякое уваженіе и довѣріе къ пропагандистамъ штунды.

III. При бесѣдѣ съ штундистами миссіонеръ не долженъ упускать изъ виду и того, что штундисты всегда требуютъ отъ миссіонера — собесѣдника кротости, какъ необходимаго условія при собесѣдованіи, ссылаясь въ данномъ случаѣ на слова св. ап. Павла: „если впадетъ чловѣкъ въ какое прегрѣшеніе, вы, духовные, исправляйте такового въ духъ кротости“ (Гал. 6, 1); сами же проявляютъ не духъ кротости,

а крикъ, издѣвательства, насмѣшки. Это дѣлають они съ тою цѣлю, чтобы показать свое превосходство предъ миссіонеромъ - собесѣдникомъ, и до извѣстной степени достигаютъ своей цѣли. Извѣстно, что нашъ простой народъ принимаетъ за правду слова того, кто громко, много и при томъ почти съ крикомъ говоритъ. Поэтому миссіонеръ-собесѣдникъ хорошо сдѣлаеть, если не дастъ штундистамъ возможности слишкомъ много распространяться, а поскорѣе покажетъ несостоятельность ихъ словъ и толкованій и со властію „заградить уста, глаголющая суетная и ложная“. Само собою разумѣется, что миссіонеру - собесѣднику нужно хорошо знать тѣ тонкости и хитросплетенія, къ которымъ прибѣгаютъ штундисты при толкованіи Свящ. Писанія и которыми они стараются обезоружить — поставить въ тупикъ миссіонера - собесѣдника. Вотъ одна изъ хитростей, къ которой обращаются штундисты, когда они чувствуютъ свою слабость въ полемикѣ съ миссіонеромъ - собесѣдникомъ. Почти всегда, какъ только штундисты бываютъ совершенно разбиты, приходится отъ нихъ слышать такой вопросъ: „чего вы отъ насъ хотите?“ Если миссіонеръ или вообще пастырь - собесѣдникъ скажетъ: „хочу обратить васъ на путь истины и спасенія, или, хочу обратить васъ снова къ православной вѣрѣ“, то на лицѣ у штундистовъ явятся двусмысленныя насмѣшливыя улыбки. Вслѣдствіе чего же? Штундистамъ хорошо извѣстенъ 15 ст. 23 гл. Евангелія отъ Матѳея, въ каковомъ стихѣ говорится: „горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что обходите море и сушу, чтобы обратить хотя одного, и если это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ“. Употребленное въ этомъ стихѣ слово „обратить“, по понятію штундистовъ, никогда не можетъ быть признакомъ истиннаго проповѣдника и наставника. „Кто желаетъ „обратить“, говорятъ штундисты, тотъ положительно хочетъ вести въ геенну и вѣдетъ“. А потому, услышавъ отъ миссіонера или

священника слово „обратить“ на путь спасенія, штундисты почти всегда съ азартомъ говорятъ ему: „горе вамъ вожди слѣпые, оцѣживающіе (комара)“ (Матѳ. 23, 24), что по разумѣнію штундистовъ значитъ: „горе вамъ вожди слѣпые, оци живущіе (отцы живущіе, значитъ пастыри Церкви); слово же „комара“ они почти всегда выбрасываютъ. Если же и употребляютъ его, то употребляютъ для того, чтобы сравнить духовенство съ комаромъ, самымъ ничтожнымъ изъ насѣкомыхъ, котораго всегда легко можно уничтожить и раздавить. Узнавъ такое пониманіе штундистами слова „обратить“, я тогда больше не употреблялъ его, а на вопросъ штундистовъ: чего вы отъ насъ хотите?—отвѣчалъ такъ: „возвратить“ на путь истины и спасенія и имѣлъ успѣхъ; послѣ такого отвѣта штундисты не выражали недовольства и недовѣрія, а большею частію охотно слушали бесѣды, которыя и привели впослѣдствіи къ желанному результату—къ обращенію въ лоно Православной Церкви.

Свящ. В. Данкевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Штундизмъ и XVI—XVII в.в. въ исторіи Юго-Западной Руси.

Штундизмъ есть обратная сторона религіознаго движенія XVI—XVII в.в. Лютеранская и католическая пропаганды во главѣ съ ядоноснымъ іезуитизмомъ слишкомъ рѣзко обозначились на страницахъ русской культуры, чтобы ихъ можно было забыть съ спокойнымъ сердцемъ. Но онѣ, очевидно, не умерли, не смотря на двухвѣковую почти промежутку времени, а удачно для себя къ концу XIX ст. успѣли переродиться въ штундизмъ. Несомнѣнно:—штундизмъ и религіозное движеніе XVI—XVII в.в.—близкіе родственники.

Какъ такъ? Смѣлое, однако, и рѣшительное сближеніе историческихъ явленій и эпохъ!—говорить читатель. Дѣйстви-тельно! Но что прикажете дѣлать, если къ тому приводить сила фактовъ. Но вмѣсто того, чтобы заводить споръ между собою, обратимся, читатель, къ самому дѣлу, сблизимъ эти двѣ эпохи и сравнимъ ихъ явленія, а заключеніе само собою видно будетъ. Сдѣлаемъ это хотя для того, чтобы имѣть ка-кое нибудь сужденіе по этому вопросу, если не угодно цѣли-комъ раздѣлять наше сужденіе.

Въ XVI—XVII в.в. Римъ всѣми силами старался вдох-нуть въ русскую жизнь свои начала во всевозможныхъ и раз-нообразныхъ видахъ. Дѣлалось это будто бы *не изъ какихъ нибудь личныхъ расчетовъ и корыстныхъ видовъ!* а во имя самыхъ высокихъ идей—христіанской любви и примиренія, во имя единой Церкви Христовой, чтобы не было вражды и крово-пролитія, а мирно развивалась жизнь человѣческая до той высоты и совершенства, которыхъ бы не мutilи никакія *лич-ныя, національныя и всякія свои особенныя разности и различія*, но было бы едино стадо и единый пастырь. Сло-вомъ, чтобы развивалась общечеловѣческая культура, основа-ніемъ которой служила бы освященная христіанствомъ гуман-ность. Но что же вышло? Съ первыхъ же шаговъ римская курія отказалась сдѣлать необходимыя уступки и обнаружила своекорыстные расчеты. Такъ что, послѣ извѣстной выходки еп. Терлецкаго и Игнатія Поцѣя въ 1595 г., западно-рус-ское духовенство, дворянство и вельможи возстали противъ подобныхъ притязаній Рима. Тогда курія, чтобы смягчить и прикрыть свои стремленія, возобновила мысль о цер-ковной уніи, и въ 1596 году въ Западной Руси явилась унія. Всѣ льготы и мѣры принимались, чтобы облегчить принятіе уніи православными, весьма выгодной для католи-ческой пропаганды. Между тѣмъ іезуиты, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, подготовляли къ тому западно-русское юноше-

ство наравнѣ со взрослыми. Заводили школы и воспитывали русскую молодежь въ духѣ католическаго ученія; входили въ довѣріе именитыхъ гражданъ и успѣвали склонять ихъ на свою сторону, а духовенство русское старались унижить и мѣшали его образованію. Дѣйствовали іезуиты преимущественно на мѣстную интеллигенцію, надѣясь, что за нею, какъ за проводникомъ, пойдетъ и простонародье. Но добрыя старанія Кіево-Могилянскои коллегіи и Славяно-греко-латинскои Московскои академіи парализовали зло, противопоставивъ ему молодя православныя поколѣнія, воспитанныя въ духѣ своего народа. Что же осталось послѣ уніи? Выработался тотъ „сѣренькій средній интеллигентъ“, въ окраскѣ котораго можно было разрисовывать, что угодно. Совершенно парализовалось въ сознаніи такого человѣка все личное, національное — корень самостоятельной жизни. Типъ такого „межеумка“, надо полагать, по понятію іезуитовъ, являлся той ступеню, которая приводитъ къ общекультурному развитію людей, какъ и унія приводила къ пониманію истиннаго христіанскаго православія! Но это могло являться, дѣйствительно, только по іезуитскому пониманію. Пострадала такимъ образомъ въ этой борьбѣ отчасти интеллигенція, простой же народъ не подвергся іезуитскои порчѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣсть, гдѣ навязана была унія. Такъ уродуется растеніе, когда поражена его верхушка, но живетъ надежда, что растеніе обновится, дастъ новые ростки, потому что корни его здоровы. Такъ было при религіозномъ движеніи въ юго-западномъ краѣ въ XVI—XVII в.в.

Штундизмъ же съ первыхъ шаговъ заявилъ о себѣ совершенно скромно. Вошелъ въ нашу жизнь тихо, ни слова не проронивъ о какихъ бы то ни было идеяхъ или притязаніяхъ. Назвался даже братскимъ и дружественнымъ. Реформатскій пасторъ колоніи Рорбахъ Херс. губ., Карлъ Боне-

кемперь, дѣятельный распространитель братства „друзей Божіихъ“ или штундистовъ, входилъ ласково въ близкія сношенія съ крестьянами, приходившими на работу изъ разныхъ губерній въ херсонскую, бесѣдовалъ съ ними, раздавалъ имъ Новый Заветъ и Псалтырь на русскомъ языкѣ. Убѣждалъ крестьянъ учиться грамотѣ для того, чтобы читать Свящ. Писаніе и стараться, *по примѣру братства „друзей Божіихъ“ (штундистовъ)*, жить по христіански, бросивъ пьянство и другіе пороки. Дѣлалъ это пасторъ Бонкемперь будто бы *не съ тою цѣлью, чтобы потомъ приготовить изъ своихъ слушателей отступниковъ отъ православія, а единственно изъ симпатіи къ русскому народу*, среди котораго онъ видѣлъ поразительное религіозное невѣжество и жалкую нищету, происходившую отъ беспорядочной жизни и нравственной распущенности. (Ушинскій „О прич. появл. штунд.“ стр. 10 и 11; Рождественскій „Южно-русскій штунд.“ стр. 60). Штундисты - малороссы тоже въ свое объясненіе говорили, что они собираются по домамъ не для чего нибудь иного, а для чтенія Свящ. Писанія и пѣнія божественныхъ пѣснопѣній; и противъ православія и церковной іерархіи они не возстаютъ, а напротивъ желаютъ утвердиться въ доброй нравственности. Такъ было до семидесятыхъ годовъ. (Рождественскій гл. I и II). Что же получается въ результатѣ отъ такихъ, повидимому, добрыхъ и скромныхъ намѣреній и дѣятельности „друзей Божіихъ“ среди южно-руссовъ? Окончательный разрывъ штундистовъ съ Православною Церковію въ семидесятыхъ годахъ; зародышъ полной порчи, доводящей до нравственной невмѣняемости (Рождественскій), національное перерожденіе (Кіев. Слово № 812). Словомъ, вырабатывается тотъ сѣренькій штундистскій челоуѣкъ, потерявшій всякій устой къ самоличному и доброму гражданскому, въ духѣ своего народа, развитію, въ окраскѣ и разрисовываніи котораго приняли живое участіе всѣ южно-русскія религіозныя секты; и каж-

дая изъ нихъ *по своему* дѣлаетъ штундиста - южно-русса своимъ, ставъ къ нему въ самыя разнообразныя пріятельскія отношенія (*ibid.*). Какую въ такомъ случаѣ культуру несутъ намъ штундисты!.. Такъ погибаетъ растеніе, когда поражаются его корни! И увы, не порадуешь тутъ надежда, что растеніе обновится, если только въ корняхъ его не остается ни капли жизненныхъ неистощенныхъ еще соковъ. Вотъ чѣмъ является штундизмъ въ своемъ развитіи! Между тѣмъ и въ наше время не прочь были нѣкоторые признавать штундизмъ явленіемъ культурныхъ побужденій.

Умѣло южно-русскіе сектанты воспользовались историческимъ примѣромъ XVI—XVII в.в. Допустить это наше мнѣніе вполне возможно и справедливо, если мы обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что въ привислянскихъ католическихъ селеніяхъ дѣятельно принялись за пропаганду штундизма, какъ явленія, нарушающаго гражданское спокойствіе и національно-политическую цѣлость Россіи; а во-вторыхъ, на то, какіе люди являются во главѣ по крайней мѣрѣ братства штунде. Пасторъ Бонкемперъ прекрасно образованный человѣкъ. Обучался сначала въ 1-й Кіевской гимназіи. Получивъ потомъ богословское образованіе въ Америкѣ, много путешествовалъ по Европѣ, и послѣ того уже явился дѣятельнымъ руководителемъ и пропагандистомъ братства. (Ушинскій и Рождественскій). Для такихъ лицъ, съ достовѣрностью можно сказать, исторія русской культуры въ ея прошломъ и современномъ развитіи, какъ и бытъ народа—прекрасно извѣстны, чтобы можно было, самымъ лучшимъ образомъ изучивъ, премѣнить указанный историческій примѣръ, начавъ портить корень растенія для успѣшнаго хода дѣла. Въ данномъ случаѣ и нѣтъ нужды предполагать какое бы то ни было посредственное или непосредственное вліяніе Рима или Берлина. Это вполне работа питомцевъ Россіи, разныхъ колонистовъ, создавшихъ уже свою культуру вдали и незави-

симо отъ метрополій. Упитавшись отъ плодовъ дерева русской жизни, они теперь подрывать у него корни стали, и единственно, говорятъ, изъ симпатіи къ нему!

Хр. Корчинскій.

Изъ наблюденій сельскаго священника надъ своими прихожанами¹⁾.

Раздался звонъ колокольчиковъ. Я взглянулъ на свои часы: какъ разъ исполнился срокъ, въ который, по договору, ямщикъ долженъ былъ заѣхать за мной. Черезъ минуту ямщикъ уже появился въ передней и доложилъ мнѣ. Я отослалъ его, обѣщаясь сейчасъ выйти. Въ домъ поднялась маленькая суматоха. Матушка поспѣшно явилась со скатертью и тарелками.

— Вѣдь, вотъ, ей-Богу!.. Давеча предлагала... на что бы лучше заблаговременно-то, исподволь бы закусили... — Проговорила она съ мягкимъ любезнымъ упрекомъ, суетясь около стола. — Хозяинъ, ты тамъ съ своей стороны... приготовь, — скороговоркой обратилась она къ батюшкѣ и удалилась.

Я вслѣдъ ей быстро проговорилъ и благодарность, и просьбу не беспокоиться, и увѣреніе въ равнодушіи къ интересамъ чрева, — но она меня, по видимому, не слушала. Батюшка тоже поспѣшилъ меня оставить и чрезъ минуту загремѣлъ и зазвенѣлъ посудой въ шкафъ сосѣдней комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ втроемъ сидѣли уже „за трапезой“.

— Вы, небось, думали, что мы ужъ и Богъ знаетъ какими кушаньями станемъ угощать васъ, — съ улыбкой обратилась ко мнѣ матушка — по крайней мѣрѣ, судя по тому, что я столько толковала о закусываніи...

¹⁾ См. № 3-й.

— Не думалъ и не могъ думать, — отвѣтилъ я. — Для меня самымъ лучшимъ угощеніемъ было радушіе хозяевъ и ихъ интересная бесѣда со мной.

— Да я-то почти не бесѣдовала, — замѣтила матушка. — А впрочемъ... Ты знаешь, супругъ, я тутъ безъ тебя рассказала *вотъ имъ* про Пелагею.

— А, это замѣчательная личность! — выразительно проговорилъ батюшка, взглянувъ на меня. — Я вотъ не знаю, что именно *она* (батюшка кивнулъ на жену) вамъ рассказала, а то...

— Да я чуть... — отозвалась матушка. — Сказала, что Пелагея какая-то странная, что она забрала было себѣ въ голову что-то необыкновенное и что она къ тебѣ ходить.

Батюшка откашлялся и началъ:

— Оказывается, что мы все-таки не весь вопросъ исчерпали. Да оно и естественно: гдѣ жъ въ такое короткое время... Вотъ давеча вы спросили, отчего нѣкоторые сельчане становятся экзальтированными. Я вамъ отвѣтилъ, но не все сполна разъяснилъ: нѣсколько увлекся этими „странничками“... Помнится, я сказалъ, что на происхожденіе экзальтированнаго настроенія вліяеть, между прочимъ, чтеніе. Названная Пелагея представляетъ собой одинъ изъ примѣровъ на это. Она вычитала въ Четвѣхъ-Минейхъ, что нѣкоторыя святыя супружескія четы, по взаимному согласію, навсегда разлучались другъ съ другомъ „Господа ради“, или, — хотя и продолжали жить вмѣстѣ, но, тоже по взаимному согласію, относились другъ къ другу, какъ братъ съ сестрой... Вычитала это Пелагея, — и представилось ей, что супружескія отношенія — грѣхъ предъ Господомъ, что нужно отъ этого грѣха избавиться. Крѣпко запало ей это въ голову, баба сдѣлалась, какъ говорится, сама не своя. А живетъ съ мужемъ, въ семьѣ... Вотъ и стала она ко мнѣ ходить...

— Баринъ, что жь, скоро? Лошади зря стоятъ, — раздался голосъ ямщика изъ темной передней.

— Скоро, скоро, — отвѣтилъ я.

Матушка, по совѣту супруга, поднесла ямщику водки, и ямщикъ,брякнувъ на весь домъ, удалился къ своей тройкѣ.

— Вотъ и стала эта Пелагея ко мнѣ ходить, — продолжалъ между тѣмъ батюшка. — Приходить въ первый разъ растерянная, точно горемъ убитая, голову понурила, говоритъ почти шепотомъ. — „Батюшка, я къ тебѣ все равно, какъ *на духу*.

Попользуй душу мою грѣшную“. Спрашиваю: что такое съ тобой? — „Хочу, говоритъ, усовершиться, по писанію, а ничего не подѣлаешь: связана по рукамъ — по ногамъ“.

И начала мнѣ говорить такія подробности, которыя дѣйствительно можно услышать только на духу... да и на духу мнѣ дотолѣ не приходилось слышать *именно такихъ* подробностей.

Я почувствовалъ себя въ весьма затруднительномъ положеніи. На этотъ разъ я ограничился немногими ободрительными и успокоительными словами и просилъ эту „необычайную духовную дщерь“ придти ко мнѣ какъ нибудь на дняхъ.

Выгадавши такимъ образомъ время, я успѣлъ заранѣе обдумать соотвѣтствующее случаю содержаніе и планъ бесѣды съ Пелагеей.

Много потомъ пришлось мнѣ съ ней бесѣдовать, и слава Богу — бесѣды мои не пропали даромъ. Мнѣ удалось мало-по-малу отрезвить Пелагею отъ странныхъ и наиболѣе вредныхъ мечтаній, которыя развились было въ ней отъ ложно понятыхъ житійскихъ сказаній.

Этотъ случай далъ мнѣ сильно почувствовать, какъ необходимо правильное руководство чтеніемъ простолюдиновъ.

Если люди съ дисциплинованнымъ умомъ, обогащеннымъ твердыми, солидными знаніями, — и тѣ, подѣ влияніемъ чтенія нѣкоторыхъ книгъ, оказываются способными залетать чуть не за облака, то что же говорить о читакахъ-простакахъ?

Они, видуховно-бесильные и беспомощные, находятся въ полнѣйшей зависимости отъ читаемой

книги: все склонны понимать буквально, въ частномъ, единичномъ видѣть общее, въ случайномъ—необходимое и идеальное; при взглядѣ на книгу—особенно душеспасительную,—какъ на вѣчто руководительное и принудительно-регулирующее, они наиболѣе способны, подъ вліяніемъ книги, оторваться отъ дѣйствительности и унести въ область мечты, и мечты опасной... Да, большая бдительность требуется здѣсь со стороны нашего брата-пастыря! Но и при бдительности можно многое проглядѣть. Пастырь одинъ, а пасомыхъ тысячи, и это вѣдь не общегитія, а разрозненные семьи и единицы. Хорошо вотъ, что эта Пелагея сама рѣшилась ко мнѣ обратиться,—а если бы этого не случилось, почемъ бы я зналъ, какое у нея образовалось настроеніе и отчего? Дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ.

— Конечно, человекъ не всевѣдущъ, а чужая душа потемки,—отозвался я.—Но изъ вашего же разсказа и образа дѣйствій видно, что стоитъ только разумнымъ и добрымъ отношеніемъ къ пасомымъ заслужить къ себѣ ихъ довѣріе, какъ они сами охотно начнутъ раскрывать вамъ свои души.

Батюшка, по видимому, принялъ мою рѣчь за комплиментъ, нѣсколько сконфузился, всталъ изъ-за стола и возбужденно прошелся около меня взадъ и впередъ.

— Конечно, я не смѣю и не имѣю основаній хвалиться какими нибудь особенными успѣхами своей пастырской дѣятельности,—заговорилъ онъ наконецъ, остановившись среди комнаты и смотря на меня въ полуоборотъ,—но что по отношенію къ Пелагеѣ я сказалъ вамъ истинную правду, такъ это я могу вамъ сейчасъ же доказать фактически.

Сказавъ это, батюшка поспѣшно зажегъ свѣчу и удалился въ сосѣдную комнату.

— Что же это у насъ? и теперъ все бесѣда?—возгласила матушка.—Сѣли за столъ покушать, чѣмъ Богъ послалъ, а замѣсто того... Хозяинъ даже съ глазъ скрылся—вотъ это

хорошо! Кушайте, пожалуйста, не смотрите на него, — потчевала она меня: — онъ вѣдь готовъ дня два не ѣсть, лишь бы поговорить о своихъ любимыхъ предметахъ... Пожалуйте-ка вотъ пока, что есть... А сейчасъ жаркое подадутъ.

— Вотъ не угодно ли? произнесъ батюшка, возвращаясь со свѣчкой въ одной рукѣ и съ листомъ бумаги въ другой.

Я принялъ отъ него цѣлый, почти непомятый листъ и положилъ предъ собой на столъ. Первая страница листа была совершенно чистая.

— Извольте-ка прочесть, — предложилъ батюшка, стоя предо мной съ зажженной свѣчей.

Я взглянулъ на него вопросительно: что жъ, дескать, я буду читать на чистомъ листѣ?

— Загаси свѣчку-то, — посоветовала матушка: — ну, на что она при лампѣ-то?

— Да это пустяки, — съ недовольствомъ проговорилъ батюшка и — загасилъ свѣчу. — А вы извольте-ка развернуть листъ-то, извольте-ка его развернуть, — настойчиво внушалъ онъ мнѣ, стуча пальцемъ по таинственному листу. — Здѣсь вы замѣтите, между прочимъ, и то, какъ чтеніе книгъ повліяло на языкъ читательницы.

Я развернулъ листъ.

Обѣ внутреннія стороны его покрыты были крупнымъ, довольно искуснымъ славянскимъ письмомъ. Строки расположены по линейкамъ, проведеннымъ не карандашемъ, а какъ будто концомъ ножа или ножницъ. Въ начертаніи буквъ вполне соблюдена характерность церковно-славянскаго шрифта. Каждая буква стоитъ прямо и особнякомъ отъ другихъ. Прописныхъ буквъ совсѣмъ нѣтъ. Кое-гдѣ мелькаютъ тонкія дыханія, ударенія и титла. Множество запятыхъ и двоеточій, изрѣдка — титла; но всѣ эти знаки поставлены совершенно независимо отъ связи словъ и предложеній, точно въ какомъ либо древнѣйшемъ памятникѣ русской письменности. Мель-

комъ обозрѣвши шрифтъ и пунктуацію, я прочиталъ вслухъ и самое содержаніе мнимо-славянскаго текста, а именно слѣдующее: „Боголюбивѣйшій, достопочтениѣйшій и душевно-уважаемый батюшка Гу, (Гурій) спасайтесь о Господѣ и радуйтесь о Немъ. Благодарю я васъ за ваше усердіе ко мнѣ грѣшной и за ваше благоснисхождение ко мнѣ недостойной отъ искренняго сердца и глубокаго сочувствія. Много, много должна я васъ благодарить и должна за васъ молиться, какъ вы меня грѣшную на своихъ молитвахъ поминаете. Кто я есть, окаянная, и какъ я васъ могу возблагодарить, любвеобильный батюшка? Какъ я всегда слышу, вы моихъ родителей всегда поминаете, то мнѣ дѣлается на душѣ какъ-то радостно и легко и даже на святомъ мѣстѣ и у святыхъ угодниковъ Божіихъ поминали“.

— Здѣсь она разумѣетъ мое недавнее путешествіе въ Кіевъ,—перебилъ батюшка.—Нѣкоторые прихожане, въ числѣ ихъ и Пелагея,—давали мнѣ тогда на свѣчи для Печерской лавры и просили меня молиться за нихъ. Я исполнилъ ихъ просьбу, о чемъ и объявилъ имъ потомъ. Такъ вотъ она объ этомъ и упоминаетъ тутъ.

Я продолжалъ чтеніе.

— „И я не знаю, какъ васъ благодарить. Словесно я не могу высказать и не умѣю перомъ описать, а только умомъ и чистымъ сердцемъ васъ благодарю. Только мнѣ грѣшной и радости и утѣшенія, какъ я приду въ святую церковь и услышу церковное чтеніе да пѣніе и душеспасительное наставленіе ваше, и ухожу домой съ великою пользою. И я живу, батюшка, какъ вамъ извѣстно, среди міра и мірскихъ соблазнъ, не какъ прочія сестры. Онѣ живутъ въ уединеніи и въ келліи, точно во гробѣ, и не видятъ никакихъ мірскихъ суетъ. Я очень подражаю (?) блаженной ихъ жизни, а живу въ мірѣ и не имѣю ни съ какой стороны молитвенниковъ, кромѣ васъ. Какъ вы меня грѣшную не оставляете, то и

впредь прошу не оставлять. Помогайте мнѣ вашими святыми молитвами. И какъ мы будемъ благодарить тебя, батюшка, за твои душеспасительныя наставленія и за твои духовныя бесѣды! Твои мнѣнія, твои слова и рѣшенія личныя, передаваемые отъ твоего опытно-духовнаго разума, переходили изъ устъ въ уста, наставляя и вразумляя къ истинному богоугодному житію, преемъ начало въ нашемъ селѣ, обращались въ среди собранной тобою на чужбинѣ многочисленной паствы. Богомудрыми наставленіями своими направлялъ и разогрѣвалъ ты въ притекающихъ сюда подъ кровъ Божьей Матери и святой церкви духъ ревности ко спасенію, словомъ и житіемъ утверждалъ въ терпѣннѣйшій искушеній неизбѣжныхъ, при вѣрномъ прохожденіи христіанской жизни. Богъ укрѣплялъ тебя и въ случавшейся нерѣдко самой предсмертности твоей, по умильнѣйшимъ молитвамъ духовно-нуждающейся въ тебѣ братіи. Много еще слѣдовало бы говорить о твоей дѣятельности, отче нашъ духовный,—батюшка нашъ дорогой. Необходимо бы сказать о твоихъ трудахъ въ другихъ устройствахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Любвеобильнѣйшій батюшка, примите ради Господа убогій сей мой подарокъ и не гнушайтесь имъ: я вамъ жертвовала отъ искренней души.

— При этомъ адресъ она мнѣ полотенце поднесла,—пояснилъ батюшка.

— „Прости, отче мой боголюбезный,—продолжалъ я чтеніе:—прости меня Господа ради и не осуди меня, окаянную, что я, по скудоумѣнію моему, не могла хорошо написать. Господь да управить во благоисполненіе пути вашей жизни, и Царица небесная да хранить васъ во вѣки подъ сѣнію ея державнаго матерняго покровѣ“.

Послѣдними словами оканчивалась правая внутренняя сторона листа. Въ самомъ низу, въ правомъ углу, стояло особнякомъ слово „зри“.

— Это значить, что слѣдуетъ перевернуть на слѣдующую страницу, — счель нужнымъ пояснить батюшка и, какъ бы въ успокоеніе мнѣ, прибавилъ: тамъ ужъ немножко осталось.

Дѣйствительно, на послѣдней страницѣ стояли только три строки: „Съ таковыми чувствами искренняго благожеланія остаюся паче всего міра грѣшнѣйшая и посильная Богомольщица о васъ къ Богу, грѣшная Пелагія и не объясняйте никому“.

Прочитавъ это длинное писаніе съ самой мучительной пунктуацией, я невольно сдѣлалъ глубокой и протяжный вздохъ.

— Чтò устали? сочувственно произнесла матушка. — Покупайте-ка вотъ жаркого. Насилу-то его подали. Три раза ходила справляться, готово ли. Гусь-то свой, кормленный; я вамъ поскорѣй отрѣжу, пока онъ горяченькій-то.

Я поблагодарилъ ее. Матушка принялась исполнять обѣщаніе. Батюшка молча потянулъ было со стола свой „адресъ“, но я упросилъ его дать сіе твореніе на короткое время мнѣ.

Въ дверяхъ залы показался ямщикъ, нѣсколько запрошенный снѣгомъ.

— Поѣдемте, баринъ, мятель поднимается. Хотя и не дюже далеко, а все-таки... дѣло ночное.

Я быстро всталъ изъ-за стола и началъ благодарственно откланиваться хозяевамъ. Батюшка съ своей стороны за что-то меня благодарилъ, принявъ прежній смиренный тонъ, вовсе не гармонирующій съ его недавнимъ воодушевленіемъ, при рассказахъ о прихожанахъ.

— Крошечку подождите, еще крошечку, — пожалуйста! — настаивала матушка, безуспѣшно продолжая рѣзать гуся. — Ну, что жъ это за наказанье такое! негодовала она, вся раскраснѣвшись. Ножи что ль затупились, или моя новая повариха оказалась такая мастерица?

— Ничего я не хочу больше, не беспокойтесь; пора ѣхать, до свиданья, — торопливо говорилъ я, протянувъ хозяйкѣ руку для прощанія.

— Хоть одинъ кусочекъ, только одинъ... сію минуту! торопилась она въ свою очередь, немилосердно и со всѣхъ сторонъ пиля неподатливаго гуся.

Но какъ она ни усиливалась, изъ-подъ пальцевъ у ней выпадали лишь какіе-то клочки и стружки. Между тѣмъ я стоялъ у ней надъ душой и настаивалъ на прощаніи.

— Да ну, Катя, оставь, — обратился къ ней, наконецъ, батюшка. — Что дѣлать? Въ другой разъ когда нибудь угостимъ получше.

Матушка бросила ножикъ, вытерла руки салфеткой и, переконфуженная, начала со мной прощаться.

Провожать меня вышли на крыльцо хозяева и прислуга. Дулъ небольшой вѣтеръ, лѣпя въ лицо снѣжною пылью. Ямщикъ, прежде чѣмъ подать мнѣ лошадей, сдѣлалъ на нихъ большой полукругъ по площади. Мы съ батюшкой стояли впереди, на ступенькѣ крыльца, остальные — позади насъ.

— А я что? Развѣ *его* ужаришь? — съ барана ростомъ! Ежели бы еще къ обѣду, а то въ такую пору! — обидчиво и громко выпалила кухарка, очевидно, отвѣчая на секретный вопросъ хозяйки.

„Роли перемѣнились“, — подумалось мнѣ: — давеча госпожа говорила вслухъ, а слуга шептала, теперь же наоборотъ...

— Будетъ, будетъ! ограничилъ батюшка и обратился къ работнику: поди-ка, Иванъ, принеси... тамъ... тѣ дорожныя покрывала.

— Чичасъ! бойко выкрикнулъ работникъ и побѣжалъ куда-то черезъ сѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже въ саняхъ словно упакованный.

— Эка, Боже мой, вѣдь вотъ грѣхъ: этакой, напримѣръ, гусь и хинью пошелъ!—вслухъ сокрушался въ темнотѣ работникъ, чѣмъ-то плотно укрывая и обертывая мои ноги.— А ты вотъ что, молодецъ: когда будешь опять здѣсь, или поблизости, завези *все это* батюшкѣ, —приказывалъ онъ ямщику.— Это все—*наше...*

И я уѣхалъ, напутствуемый благожеланіями добрыхъ хозяевъ и приглашеніями „пожаловать на будущій разъ“.

Въ полѣ было вѣтрено, но тепло. Хорошо укутанный, спокойно усаженный и убаюкиваемый легкимъ покачиваньемъ саней и звукомъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, я предался пріятнымъ размысленіямъ,—главнымъ образомъ по поводу свиданія и бесѣды съ батюшкой. Живо рисуя себѣ только что подмѣченныя мною характерныя особенности этого батюшки и припоминая сходныя черты нѣкоторыхъ другихъ, изрѣдка встрѣчавшихся мнѣ молодыхъ священниковъ, я задался вопросомъ: не сформировывается ли у насъ *новѣйшій* типъ сельскаго батюшки? Послѣ нѣкоторыхъ сопоставленій изъ далекаго и недавняго прошлаго и изъ настоящаго, я рѣшилъ себѣ этотъ вопросъ утвердительно. Сельскіе батюшки до шестидесятыхъ годовъ,—думалъ я между прочимъ,—были люди мало просвѣщенные. Служеніе свое Церкви и паствѣ они ограничивали требоисправленіемъ. Къ народу они стояли близко, но чѣмъ? Грубоватостью вкусовъ и привычекъ и общностью земледѣльческихъ работъ. Они жили съ народомъ, мало чѣмъ возвышаясь надъ нимъ и не обладая способностью руководить имъ. Но народъ все-таки уважалъ ихъ за ихъ санъ и истовое совершеніе богослуженія и любилъ „за ихъ простоту“... Съ конца шестидесятыхъ годовъ появились въ селахъ священники „развитые“, съ многостороннею заинтересованностью, краснорѣчивые говоруны. Это были люди смышленные, съ знаніями и энергіей, но... болѣе *свѣтскіе люди, чѣмъ священныя особы*. Они были люди дѣятель-

ные, но дѣятельность свою проявляли болѣе внѣ круга ближайшихъ пастырскихъ обязанностей. При совершеніи ими богослуженія стали замѣчаться отступленія отъ уставныхъ требованій относительно времени и „чина“ совершенія его. При нихъ же послѣдовало искаженіе и потомъ забвеніе старинныхъ церковныхъ напѣвовъ. Правда, батюшки этого поколѣнія чаще своихъ предшественниковъ говорили проповѣди, и проповѣди *собственного* сочиненія; но церковное слово ихъ по большей части чуждо было духа церковности. Народъ слушалъ это слово равнодушно, не какъ Слово Божіе, а какъ простое „каляканье“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ строй домашней жизни и въ привычки сельскаго священника внесено было столько новаго, искусственнаго, не сельскаго, что постепенно между народомъ и его пастырями *пропасть велика утвердися*. Получалось нѣчто неожиданно странное: дѣятели болѣе просвѣщенные и энергичные, чѣмъ представители предшествовавшей генерациі, оказались менѣе симпатичными, вліятельными и полезными въ средѣ народной, сравнительно съ прежними простаками. Конечно, никакъ нельзя винить въ этомъ новыхъ батюшекъ. Независимо отъ ихъ личной воли, на ихъ настроеніе и образъ жизни огромное вліяніе имѣлъ строй и духъ прежней школы и вся совокупность условій русской жизни въ недавній періодъ необыкновенной суетности понятій и стремленій. Но нельзя и игнорировать того, что получило значеніе несомнѣннаго факта... Каждое время рождаетъ своихъ героевъ. Переживаемый нами историческій моментъ русской жизни,—моментъ спокойной, серьезной вдумчивости во все, моментъ безпристрастной провѣрки прошлаго,—неторопливаго, всесторонняго, обстоятельнаго изученія и анализа настоящаго жизненнаго строя, моментъ осторожной, но непрерывной, совершаемой безъ всякаго самоуниженія, работы по всестороннему переустройству и благоустройству отечества,—этотъ моментъ непременно долженъ соответству-

ющимъ образомъ отразиться и на характеръ нашихъ общественныхъ типовъ. Это подтверждается, между прочимъ, несомнѣнною, замѣтною метаморфозою въ типѣ сельскаго батюшки за послѣдніе годы. Въ немногихъ словахъ этотъ новѣйшій типъ можно обрисовать, пожалуй, такъ. Онъ представляетъ собою какъ бы соединеніе лучшихъ качествъ, существовавшихъ въ представителяхъ предшествовавшихъ генерацій. По научной подготовленности къ своему служенію, по любви къ чтенію и проповѣданію, по энергіи и подвижности новѣйшіе батюшки сближаются съ священниками шестидесятихъ годовъ. Но, по строгой церковности своего направленія, по „истовости“ въ совершеніи богослуженія, по полнѣйшей доступности своей для народа и необыкновенной простотѣ въ образѣ жизни, они подходятъ къ батюшкамъ добраго стараго времени. Содержаніе такого типа нельзя, однако, назвать элективнымъ: въ составѣ этого содержанія есть и нѣчто оригинальное, новое. Это—стремленіе и уже въкоторое умѣнье серьезно *изучать* свою паству, чего въ прежнихъ батюшкахъ или вовсе не существовало, или не существовало въ *такой степени*. Когда при этомъ представишь себѣ то недалекое будущее, въ которое, при обилии новыхъ средствъ, способовъ и удобствъ изученія раскола и сектантства, и при возможности легкаго усвоенія миссіонерскихъ приемовъ, къ наличнымъ прекраснымъ качествамъ новѣйшихъ батюшекъ присоединятся новыя—ревность и искусство въ миссіонерскомъ дѣлѣ, то образъ сельскаго батюшки рисуется еще болѣе свѣтлымъ, почти идеальнымъ, и—заранѣе радуешься за возвышеніе нашего духовенства, за умственный и нравственный подъемъ народа, за общее благосостояніе Руси православной!..¹⁾

Г. Недѣтовскій.

¹⁾ Серьезная, основанная на несомнѣнныхъ фактахъ жизни, мысль о генераціи типовъ нашихъ сельскихъ священниковъ, безспорно заслу-

Начальственные распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

По вопросу объ исходатайствованіи единовременнаго пособія лицамъ духовнаго вѣдомства.—Курская духовная консисторія, давая знать о томъ, кто представленъ къ полученію единовременнаго пособія, и кто нѣтъ, вмѣняетъ при этомъ благочиннымъ епархіи въ обязанность, подъ личною ихъ отвѣтственностію, не представлять тѣхъ лицъ, которыя уже получили однажды единовременное пособіе, и отмѣчать въ клировыхъ вѣдомостяхъ—кто и когда изъ заштатныхъ и сиротствующихъ получилъ единовременное пособіе, а при представленіи лицъ къ единовременному пособію, списки свѣдѣній составлять по данной на сей предметъ формѣ и неопустительно объяснять въ спискахъ всё требующіяся свѣдѣнія,—и чтобы тѣхъ лицъ своего благочинническаго округа, которыя, за излишествомъ представленныхъ къ пособіямъ лицъ и по другимъ причинамъ, остались не представленными къ единовременному пособію въ 1889 году, а между тѣмъ въ пособіи крайне нуждаются, представили таковыхъ въ 1890 году, вмѣстѣ съ другими нуждающимися въ единовременномъ пособіи, въ свое время (Курск. епарх. вѣдом. 1889 г. №—34).

О представленіи въ попечительство доходовъ отъ праздныхъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ.—По силѣ § 28 Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года Правиль о раздѣлѣ мѣстныхъ средствъ содержанія православнаго духовенства между членами причтовъ, когда штатное священно-или церковнослужительское мѣсто сдѣлается празднымъ, по случаю выбытія изъ причта лица, занимавшаго это мѣсто, а равнымъ образомъ и въ случаѣ

живааетъ болѣе широкаго развитія, чѣмъ какое она по необходимости получила въ этомъ сжатомъ заключеніи моего очерка. Сдѣланное мною разграниченіе отличительныхъ свойствъ священниковъ старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ въ дѣйствительности не всегда представляется столь рѣзкимъ. На дѣлѣ иногда бываетъ, что старые дѣятели проникаются новымъ духомъ, и, наоборотъ, новые попадаютъ въ ряды старыхъ. Все это мнѣ извѣстно, но я имѣлъ въ виду *выдающіяся* явленія, господствующія настроенія, которымъ или принадлежало прошедшее, или должно принадлежать будущее.

Авторъ.

смерти штатнаго священно-или церковнослужителя, не оставившаго послѣ себя семейства, половина выгодъ отъ такихъ праздныхъ мѣстъ должна быть обращена въ пользу епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Вслѣдствіе же неисполненія благочинными въ указанныхъ случаяхъ прописаннаго § 28 Правиль, Тульской духовною консисторіею было предписано, еще отъ 27 октября 1880 года, циркулярно по епархіи всѣмъ благочиннымъ непремѣнно представлять въ епархіальное попечительство присвоенныя ему означеннымъ § 28 Правиль выгоды, а въ консисторію къ 1 числу февраля мѣсяца каждаго года представлять вѣдомость о бывшихъ въ теченіи года въ благочинническомъ округѣ праздныхъ священно-церковнослужительскихъ мѣстахъ, съ обозначеніемъ, съ какого именно по какое время какое священно-церковнослужительское мѣсто состояло празднымъ, и сколько съ какого мѣста представлено въ попечительство денегъ. Между тѣмъ, изъ производящихся въ Тульской духовной консисторіи дѣлъ усматривается, что большинство благочинныхъ и послѣ циркулярнаго по епархіи, отъ 27 октября 1880 года, предписанія консисторіи о представленіи въ епархіальное попечительство, во исполненіе § 28 Высочайше утвержденныхъ Правиль, доходовъ отъ праздныхъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ, таковыхъ доходовъ въ попечительство все же не представляютъ. Посему названная консисторія признала, въ видахъ усиленія средствъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, необходимымъ подтвердить всѣмъ благочиннымъ епархіи непремѣнно исполнять въ точности циркулярное предписаніе ея отъ 27 октября 1880 года относительно представленія въ попечительство доходовъ отъ праздныхъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ, съ предупрежденіемъ благочинныхъ, что если и послѣ этого кто изъ нихъ не исполнитъ означеннаго предписанія, то будетъ подлежать денежному взысканію соотвѣственно размѣру причиненныхъ чрезъ таковое неисполненіе попечительству убытковъ (Тульск. епарх. вѣдом. 1889 г. № 17),

О недопущеніи ходатайствъ предъ епархіальнымъ начальствомъ по дѣламъ церквей со стороны прихожанъ безъ участія благочинныхъ и причтовъ.—Казанская духовная консисторія циркулярно даетъ знать благочиннымъ и причтамъ церквей епархіи, чтобы они отнюдь не допускали никакихъ ходатайствъ по дѣламъ церквей со стороны прихожанъ предъ епархіальнымъ начальствомъ

безъ ихъ, благочинныхъ и причтовъ, участія. Ходагайства, которыя будутъ возбуждаемы безъ участія благочинныхъ и причтовъ, будутъ оставляемы безъ послѣдствій, а благочинные и причты будутъ подвергаемы взысканіямъ, если съ ихъ стороны не послѣдуетъ донесеній о самочиннѣ ходатайствъ и о томъ, что они этому самочинію противились (Изв. по Каз. епарх. 1889 г. № 17).

О порядкѣ храненія въ церквахъ денегъ.—Донская духовная консисторія, усмотрѣвъ изъ имѣющихся у нея свѣдѣній, что причты и церковные старосты епархіи не рѣдко принимаютъ отъ церковно-приходскихъ попечительствъ принадлежащія имъ суммы на храненіе вмѣстѣ съ суммами церковными, безъ всякихъ документовъ, а потому, въ случаѣ растраты, или похищенія этихъ суммъ, не считаютъ себя отвѣтственными за правильное храненіе ихъ, предлисываетъ всѣмъ причтамъ и церковнымъ старостамъ на будущее время не принимать отъ попечителей собственно принадлежащія имъ суммы на храненіе вмѣстѣ съ церковными деньгами, не препятствуя только попечительствамъ ставить свои кассы или прочно устроенные сундуки съ деньгами для храненія въ церквахъ или въ церковныхъ кладовыхъ. При этомъ разъясняется причтамъ, что если бы такое попечительство пожелало собранныя деньги на нужды мѣстной приходской церкви передать въ вѣдѣніе и распоряженіе причта и старосты, то деньги эти, какъ пожертвованныя, по надлежащему записывать въ церковныя приходо-расходныя книги и употреблять ихъ только на тотъ предметъ, на который они собраны или пожертвованы, и если такихъ денегъ соберется болѣе ста руб., то ихъ, какъ и вообще церковныя суммы, отсылать въ государственныя кредитныя учрежденія, при чемъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ объяснять, въ виду какихъ церковныхъ нуждъ оставляется при церкви на храненіе болѣе ста рублей, если только таковой остатокъ будетъ на лицо. Благочинные же обязываются имѣть наблюденіе, чтобы въ церквахъ не допускалось храненіе денежныхъ суммъ болѣе ста рублей, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, строгой отвѣтственности, наравнѣ съ церковными причтами (Донск. епарх. вѣдом. 1889 г. № 18).

Еще по поводу построекъ, распространеній и ремонтіровокъ церквей.—Ставропольская духовная консисторія, въ дополненіе къ прежнему циркулярному распоряженію своему (см. Руков. для сельск. паст. № 2) 1) вновь рекомендуетъ приходскимъ обществамъ (Руков. для сел. паст. 1890 г., т. I. № 4-й.

ствамъ въ дѣлахъ о постройкѣ новыхъ и распространеніи старыхъ церквей, а равно и по устройству церковныхъ иконостасовъ, церковныхъ оградъ, сторожекъ и вообще по всѣмъ церковнымъ дѣламъ, дѣйствовать совмѣстно съ приходскими причтами и мѣстными благотворительными, а избранныхъ для ходатайства по церковнымъ дѣламъ лицъ снабжать надлежащими довѣренностями и засимъ уже, но ни какъ не прежде, довѣренныя лица вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ должны обращаться съ просьбами лично къ епархіальному преосвященному для принятія могущихъ быть архипастырскихъ указаній, какъ объ этомъ сказано въ предшествовавшемъ циркулярномъ распоряженіи; 2) предписываетъ духовенству епархіи руководить приходскія общества въ дѣлахъ, касающихся построекъ церквей, иконостасовъ и т. п., объявлять имъ и возможно чаще напоминать при всякомъ удобномъ случаѣ въ церквахъ и на сходахъ общественныхъ какъ о настоящемъ распоряженіи, такъ и о распоряженіи предшествовавшемъ (Ставроп. епарх. вѣдом. 1889 г. № 18).

О томъ, что съ просьбами о разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ невѣстамъ должны обращаться къ преосвященному не сваты, а сами родители или опекуны невѣсты.—Очень часто случается, что просятъ у епархіальнаго преосвященнаго разрѣшенія на вступленіе въ бракъ невѣстамъ, принадлежащимъ не къ семействамъ просителей, а къ семействамъ названныхъ сватовъ, при чемъ остается неизвѣстнымъ, согласны ли родители (сваты просителя), а тѣмъ паче невѣста, на предполагаемый бракъ, просители же стараются увѣрить на словахъ, что хлопоты по испрошенію разрѣшенія на бракъ они приняли на себя по уговору со сватами своими; при такомъ, неудобномъ для провѣрки, состояніи дѣла, считаемаго спѣшнымъ, приходится епархіальному преосвященному писать многословныя, хотя бы и разрѣшающія, резолюціи, по которымъ невѣсты могли бы убѣдиться, что онѣ получаютъ только разрѣшеніе, если желаютъ, но не обязываются архіерейскою резолюціею, если не желаютъ, вступить въ предложенный бракъ. Не говоря уже о томъ, что просители дѣйствуютъ не вполне законно, и что бывали случаи эксплуатаціи (конечно, не удачной, но все же причинявшей безпокойство заинтересованнымъ лицамъ) подобными разрѣшеніями, Ставропольскій преосвященный признаетъ этотъ порядокъ отнимающимъ у него много времени, нужнаго на другія дѣла, а потому

Ставропольская духовная консисторія предписываетъ приходскимъ причтамъ епархіи, чтобы они разъясняли прихожанамъ своимъ, что съ просьбами о разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ невѣстамъ должны къ епархіальному преосвященному обращаться не сваты, а сами родители или опекуны невѣсть, и что прошенія сватовъ на будущее время удовлетворяться не будутъ (тамъ же).

О своевременномъ представленіи вѣдомостей о присоединенныхъ къ Православной Церкви.—Нѣкоторые изъ причтовъ Оренбургской епархіи, вопреки 29 ст. Уст. дух. конс., посылаютъ въ консисторію подписки просвѣщенныхъ св. крещеніемъ нехристіанъ и раскольниковъ вслѣдъ за присоединеніемъ къ св. Церкви. Въ виду этого, названная консисторія предписываетъ духовенству епархіи подписки присоединяемыхъ къ православной Церкви и другіе документы, поименованные въ 29 ст. Уст. дух. конс., представлять однажды въ годъ, въ началѣ января слѣдующаго за присоединеніемъ года (Оренб. епарх. вѣдом. 1889 г. № 18).

О наблюденіи священниками за торговлею иконами.—Та же духовная консисторія разъясняетъ священникамъ епархіи, чтобы они не только не уклонялись отъ исполненія требованій чиновъ полиціи осматривать не вполнѣ удовлетворительно написанныя иконы, но и сами наблюдали, чтобы ни въ церквахъ, ни въ продажѣ и вообще нигдѣ не было иконъ, писанныхъ не искусно, а тѣмъ болѣе въ странномъ и соблазнительномъ видѣ (тамъ же).

Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.

1) Въ Типиконѣ, въ послѣдованіи недѣли Сыропустной замѣчено: *»отъ сея недѣли сырныя даже до Воздвиженія Честнаго Креста, во вся недѣли, чрезъ все мѣсто, на утрени упраж(д)няется поліелей: поется же токмо въ праздники Господскія, и великихъ святыхъ, во бдннѣяхъ недѣльныхъ«.* Въ этомъ примѣчаніи Типикона выраженіе: *»во бдннѣяхъ недѣльныхъ«* служитъ ли дополненіемъ къ слову *»поется«,* или же—къ слову *»въ праздники?»*

Уставомъ положено пѣть поліелей въ недѣли (воскресные дни) только съ 22-го сентября до 20-го декабря и съ 14-го января до не-

дѣли Сыропустной (см. въ Типик. конецъ послѣдов. на 21-е сент.; см. 17 гл. Типикона); съ 20-го же декабря до 14-го января въ воскресные дни не положено пѣніе поіелея, за исключеніемъ тѣхъ воскресныхъ дней, въ которые случится память великаго святаго (см. въ Типик. конецъ послѣдов. на 21-е сент.; см. послѣдов. на 20-е декабря), а равно не положено пѣніе поіелея въ воскресные дни отъ недѣли Сыропустной до отданія Воздвиженія Честнаго Креста—21 сент., за исключеніемъ тѣхъ воскресныхъ дней, въ которые случатся праздники Господскіе, Богородичные и великихъ святыхъ (см. въ 17-й гл. Типик. о стихословіи каѳизмъ отъ недѣли антипасхи до отданія Воздвиженія Честнаго Креста и отъ 20-го декабря до 14-го января; см. примѣч. въ послѣдов. недѣли сырной). Правда, изъ воскресныхъ дней отъ недѣли Сыропустной до отданія Воздвиженія Честнаго Креста уставомъ положено пѣть поіелей еще въ недѣлю ап. Фомы и въ недѣлю св. женъ мурносиць, но, очевидно, сдѣлано это по той причинѣ, что въ недѣлю (воскресенье) ап. Фомы отправляется не воскресная, а праздничная служба, а въ недѣлю (воскресенье) св. женъ мурносиць съ службою воскресною соединяется служба праздничная въ честь св. женъ мурносиць (см. въ Типик. послѣдов. въ недѣлю антипасхи и послѣдов. въ недѣлю св. женъ мурносиць). Во всѣ тѣ воскресные дни, въ которые не положено пѣніе поіелея, должно бы вмѣсто поіелея стихословить 17-ю каѳизму »Непорочны« (см. 2-ю и 17-ю гл. Типикона), но у насъ обыкновенно поется поіелей во весь годъ по воскреснымъ днямъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ указаній Типикона о пѣніи поіелея въ тѣ или другіе воскресные дни года, можетъ быть вполнѣ яснымъ смыслъ того примѣчанія, которое находится въ концѣ послѣдованія недѣли Сыропустной и относительно котораго возникло недоумѣніе у г. М—а А—ва, одного изъ псаломщиковъ Симбирской епархіи. Въ означенномъ мѣстѣ Типиконъ хочетъ сказать, что отъ недѣли Сыропустной до Воздвиженія Честнаго Креста (собственно до отданія Воздвиженія—до 21-го сентября) во всѣ воскресные дни не поется поіелей, за исключеніемъ только тѣхъ воскресныхъ дней, въ которые случатся праздники Господскіе (Богородичные) и великихъ святыхъ; на всенощномъ бдѣніи такихъ воскресныхъ дней, въ которые случатся означенные праздники должно пѣть поіелей.

2) *Можетъ ли священникъ при освященіи храма съ положеніемъ въ оный антиминосъ, освященнаго архіереємъ, руководствуясь Большимъ Требникомъ изд. въ 1677 г. съ благословенія*

патріарха Іоакима, помазывать св. муромъ престолъ и стѣны храма?

Требники, употреблявшіеся въ древней русской Церкви до учрежденія Св. Синода, утратили свое практическое значеніе послѣ того, какъ стали издаваться новые Требники съ благословенія Св. Синода; посему іерею при освященіи храма съ положеніемъ въ оный антиминосъ, освященнаго архіереемъ, вообще не слѣдуетъ руководствоваться Большимъ Требникомъ, изд. въ 1677 г. съ благословенія патріарха Іоакима, и въ частности на основаніи этого Требника нельзя помазывать св. муромъ престолъ и стѣны храма, такъ какъ опред. Св. Синода 1732 г. 18 іюля 4 п. запрещено при освященіи храма іереемъ помазывать св. муромъ престолъ и стѣны храма. Причина этого запрещенія будетъ вполне понятною для вопрошающаго (о. Ѡ—а П—скаго, свящ. села П—скаго Т—скаго у. Т—ской губ.), если онъ обратитъ вниманіе на то, что при освященіи храма отъ іерея полагается на престолѣ антиминосъ, прежде освященный самимъ архіереемъ и уже помазанный св. муромъ; по той же причинѣ, что при освященіи храма отъ іерея полагается на престолѣ антиминосъ, прежде освященный самимъ архіереемъ, уже окропленный родостамною (розовою водою съ виною) и вмѣщающій въ себѣ частицы св. мощей, престолъ не омывается родостамною и подъ престоломъ не полагаются частицы св. мощей.

Извѣстія и замѣтки.

О голодѣ въ Черногоріи. Свирѣпствующій голодъ принудилъ переселиться въ Сербію уже болѣе 6,500 черногорцевъ. Вскорѣ ожидаютъ еще 2,000 черногорскихъ переселенцевъ. Дѣло устройства переселенцевъ сопряжено для сербской казны съ значительными расходами, но въ Бѣлградѣ и Цетинѣ возлагаютъ большія надежды на производимый въ Россіи денежный сборъ въ пользу голодающихъ черногорцевъ. Последнія телеграммы между тѣмъ извѣщаютъ, что по случаю суровой зимы нужды черногорцевъ увеличиваются; особенно терпятъ послѣднія партіи, не снабженныя самымъ необходимымъ. Средства главнаго комитета истощились. Нужна помощь скорая.

Новыя мѣропріятія для устья борьбы съ расколомъ.—Какъ извѣстно, до сихъ поръ весьма нерѣдко случалось, что въ мѣстностяхъ, сплошь заселенныхъ раскольниками, нѣкоторые изъ послѣднихъ, подъ

вліяніемъ миссіонерскихъ бесѣдъ, изъявляли готовность присоеди­ниться къ православію; но отъ старинныхъ обрядовъ, по своей привычкѣ къ нимъ, они не отказывались, зная при томъ, что и сама Церковь не возбраняетъ употребленія этихъ обрядовъ. Между тѣмъ, единовѣрческой церкви по близости не оказывалось, а сами присоединяющіеся, по своей малочисленности, не могли составить единовѣрческаго прихода или построить особую церковь. Это обстоятельство весьма затрудняло миссіо­неровъ: они не знали, какъ поступать съ подобными присоединяющимися къ православію. Въ виду этого, въ Свят. Синодѣ внесенъ обширный докладъ отъ съѣзда миссіонеровъ, который ходатайствуетъ, чтобы для такихъ обращающихся къ церкви на правилахъ единовѣрія старообрядцевъ разрѣшено было совершать необходимыя требы по старопечатнымъ книгамъ мѣстнымъ православнымъ священникамъ, къ приходу которыхъ должны принадлежать обращенные.

Кромѣ того, какъ передаютъ «Нов.», въ засѣданіяхъ Свят. Синода будетъ разсмотрѣнъ полный каталогъ книгъ, необходимыхъ для противораскольническихъ библіотекъ—епархіальныхъ, благочинническихъ и церковныхъ. вмѣстѣ съ утвержденіемъ означеннаго каталога, должно состояться опредѣленіе о порядкѣ пополненія библіотекъ книгами, внесенными въ этотъ каталогъ.

Наконецъ, Свят. Синоду предстоитъ рѣшить вопросъ о времени и мѣстѣ второго съѣзда противораскольническихъ миссіонеровъ. Первый такой съѣздъ состоялся въ Москвѣ въ іюлѣ 1887 г. Болѣе подходящими мѣстами для втораго съѣзда предполагаются Кіевъ и Казань. Одновременно съ назначеніемъ мѣста и срока созванія съѣзда будетъ также выработана программа его занятій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Борисъ.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 января 1890 г.
Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.